Г.П. КИБАСОВА, А.В. ПЕТРОВ, О.В. ГАЛКОВА
(Волгоград)

РОССИЯ: ИСТОРИЯ ПРОСТРАНСТВ

В истории русского народа миграции играли особую роль, оказывая значительное влияние на объективные и субъективные проявления его жизни и самовыражения. В течение своей истории русский этнос увеличивал территорию расселения, осуществляя историческую миссию «освоения труднодоступного земного пространства». В российской колонизации равноценную роль играли как государство, так и русский этнос.

Ключевые слова: *история России, история русского народа, история государства, колонизация, геополитика.*

Общим рефреном в дискуссиях по истории России являются обязательные «ремарки» о ее пространствах как «судьбе», «несчастье», «роке» и т.д. Одни считают, что огромные территории при недостатке средств – обуза, тормозящая развитие. Другие – что это бесценное национальное богатство [11]. При этом обстоятельных попыток «всмотреться» в эту данность, «вчитаться» в этот текст, предоставленный взаимодействием природы и этноса, наблюдается пока немного. Очевидно, одна из причин в том, что формирование территории России не рассматривалось как результат исторической деятельности народа. Недооценка этнической составляющей исторического процесса [8], на наш взгляд, связана с долговременностью этнических процессов.

В истории русского этноса миграции играли особую роль. В сферу его жизнедеятельности вовлекались все новые земли, являвшиеся основным ресурсом сельскохозяйственного производства. Со второй половины XIX в. наступил такой период в развитии русского этноса, когда происходило постепенное сокращение возможностей для центробежных миграций. Наконец, последнее десятилетие XX в. впервые в истории народа ознаменовалось преобладанием центростремительных миграционных потоков над центробежными. Это означает, что возможности и формы освоения новых пространств напрямую связаны со спецификой исторического развития русского этноса. Высокая миграционная подвижность влияла не только на формы социальной организации, но и на демографическую структуру русского народа, на его самосознание, характер, психологию и т.д. Как писал А. Ахиезер: «Масштабы и продолжительность колонизации можно рассматривать как важнейшую специфику истории страны. Ее значение для общества было столь велико, что можно говорить о гигантском историческом эксперименте мировой значимости, нацеленном на выявление в жизни общества возможности расширить пространство жизнедеятельности» [2].

Западные аналитики считают, что существование такого территориального гиганта не рационально. Р. Пайпс писал, что «все здесь восстает против государственности» и диктует «множество разрозненных политических центров» [7]. Нужно не только, как говорят американцы, «быть в нужный час в нужном месте», но и «быть нужного размера». З. Бжезинский уже не один десяток лет доказывает, что, «с точки зрения интересов России», рациональнее разделить этого гиганта на три части: Европейскую Россию, Сибирь и Дальний Восток. Это позволит, как считает он, значительно ускорить темпы социально-экономического развития [4].

Эти рассуждения, с точки зрения западного подхода (и стереотипов, в том числе пространственных), справедливы. Но с российской точки зрения их логика примерно такова: этот человек – гигант, одежду для него найти невозможно, прокормить его трудно, поэтому его надо расчленить на три «человека» поменьше. Абсурд налицо. Более того, пространства России – это своего рода ее символ, ее «визитная карточка», недаром *страна* и *пространство* в русском языке – слова однокоренные. Для русского человека масштабы страны – часть его миропонимания. Этот феномен в свое время описал Н.А. Бердяев.

Русский этнос освоил уникальную по масштабам и природно-климатическим условиям экологическую нишу. Для того чтобы отразить проблему в реальных фактах, приведем некоторые цифры. Территория современной России составляет 76% от территории бывшего СССР. Это более 11% суши Земли. В Европе находится 42% территории России, остальная – в Азии. Европейская часть страны – это 42% Европы, азиатская часть – 19% Азии. Здесь необходимо показать и демографическую картину. Доля России в населении мира примерно 2,7%, по числу жителей она занимает седьмое место после Китая, Индии, США,

© Кибасова Г.П., Петров А.В., Галкова О.В., 2015

Индонезии, Бразилии и Пакистана. Жители европейской части России составляют 18% населения Европы, азиатской части – всего лишь 1% населения Азии. Примерно 78% населения России проживают в ее европейской части. Общее географическое положение страны определяется как северо-восток Евразии. Большая часть территории России расположена между 50-й параллелью и Северным полярным кругом. Протяженность от самой западной до самой восточной точки страны 10 тыс. км. Таким образом, это самые северные территории земного шара с крайне суровым континентальным климатом. По географическим и климатическим параметрам Россия сравнима только с Канадой, которая занимает больше половины североамериканского континента и располагается на тех же самых широтах. Но даже это сравнение не в пользу России: Канада хоть и похожа на Россию, только все же не Россия.

На существенные отличия между двумя странами в свое время обратил внимание Р. Пайпс. Во-первых, подавляющее большинство канадского населения всегда проживало в самых южных районах страны, по Великим Озерам и реке Св. Лаврентия, т. е. на 45° северной широты, что в России соответствует широте Крыма и степной зоны. Девять десятых населения Канады проживает на расстоянии не более 300 км от границы США. Кроме того, к северу от 52-й параллели в Канаде мало населения и почти нет сельского хозяйства. Во-вторых, совершенно иная геополитическая ситуация. Канада всегда поддерживала дружеские отношения со своим единственным континентальным соседом, поэтому «Канаде никогда не приходилось кормить большого населения: те канадцы, которым не находилось работы, имели привычку перебираться» в США. В России не было ни одного из этих преимуществ: «соседи ее не были богаты или дружественно расположены, и стране приходилось полагаться на свои собственные ресурсы, чтобы прокормить население» [7].

Для нас важно выяснить объективные причины, толкавшие русский этнос к перманентной колонизации, шедшей практически неподконтрольно властям, фактически вынуждавшей государство включать вновь освоенные земли в свой состав. Интересно, что многие селения, не известные властям, обнаруживались вплоть до XX в.: «И вдруг деревня оказывалась “открытой”, – пишет один из авторов начала XX в., – точно золотая жила, каменный уголь или даже Америка!.. Оказывалась открытой с домами, с обывателями, стадами и всеми прочими атрибутами деревни. В ней пекли и жарили, умирали и множились, работали и отдыхали, творили все человеческое без денег, без паспортов, без “управ”, без законных властей» [14]. Следовательно, доминировали в этом процессе не государственные цели, а внутренние потребности этноса. Заметим, продвижение шло постоянно в северо-восточном направлении, в края, чрезвычайно трудно обживаемые. Суровые природно-климатические условия, огромные расстояния «забирали» основные силы народа. И, тем не менее, что-то толкало русских к этим перманентным переселениям. Не только же «русской широкостью», привычкой к простору можно объяснить это. Что заставляло народ так усложнять себе жизнь? Может, это результат массового заблуждения? Но, как известно, геополитические ошибки совершают, как правило, политики, а не народы.

В науке бытует мысль о том, что колонизация русского народа была «бегством от государства» (С. Лурье). Не отрицая ее определенной правомерности, хотелось бы заметить, что здесь присутствует попытка акцентировать внимание на вечной конфронтации народа и государства. В связи с этим подчеркнем, что основная задача этнической системы взаимодействий – обеспечить условия выживания данной человеческой популяции. Если они (природные, геополитические, социально-политические условия) не соответствуют ей, то этнос будет или расширять, или менять место обитания. Например, часть английского и испанского этносов в силу социальной напряженности сменили нишу обитания за счет внешней колонизации и дали начало североамериканскому и латиноамериканскому этносам. Эта смена была продиктована невозможностью внутриевропейской колонизации.

Восточнославянский этнос не только был вынужден (об этом речь пойдет ниже), но и имел возможность расширять природную нишу обитания именно в северо-восточном направлении, не встречая социальных да и природных препятствий. Отсутствие серьезных природных препятствий и этнических общностей с развитой социальной организацией объясняет направление колонизации. Более того, мы считаем, что освоение русскими евразийских пространств является частью эпохи «Великих географических открытий» и их вкладом в освоение человечеством мирового пространства.

Для закрепления на новых территориях и превращения их в «законные перед Богом и людьми» необходимо было «осенить» их властью «русского царя», который крепостями и острогами «фиксировал» новую границу, обеспечивая защиту и земли, и переселенцев. Таким образом, русские переселенцы как бы передавали эстафету государству. Поэтому процесс скорее напоминал «игру» народа «в бегство от государства»: убежать, все подготовить и ждать его. На этом этапе истории этнос является инициатором формирования социально-политического пространства, т.к. именно оно помогает сохранить свою территорию. Для России эта привязка имела особое значение в силу крайне сложного геополитического положения. Территория Киевской Руси, России, СССР, Российской Федерации всегда была коридором между Европой и Азией. Эта «коридорность» требовала особой взаимосвязи этноса и государства.

Исследователи в истории России выделяют несколько колонизационных волн (В.О. Ключевский). Остановимся на двух, наиболее показательных для специфики этнической истории России. Первая волна – земледельческая «великая славянская распашка» IX – XIV вв., вторая – освоение Урала, Среднего и Нижнего Поволжья, Сибири в XVI – XVII вв. Именно они привели к освоению восточными славянами, а затем великороссами огромного ареала обитания и превращению его в этническую территорию.

Территориально как государственное образование Русь стала складываться по течению Днепра. Общеевропейское торговое значение «пути из варяг в греки» обусловило обживание огромной территории по Днепру и его притокам. Изначально, с VIII – IX вв., местом активного расселения стала территория протяженностью с юга на север более 1500 км. С одной стороны, наличие этого торгового пути стимулировало процесс социального структурирования (выделение знати, купцов, дружинников и т.д.). С другой стороны, объединение всех территорий по течению Днепра и их безопасность стали важнейшими стимулами государственно-политического объединения восточных славян.

Не последнюю роль в перманентной внутренней колонизации сыграли особенности ландшафтной линии Восточно-Европейской равнины, отсутствие труднопреодолимых географических препятствий, обилие спокойных рек. Пользуясь даже примитивными средствами, можно было проплыть по рекам от Балтики до Каспия, и по притокам добраться до большинства земель, лежащих между ними. Этот факт в немалой степени способствовал уже в начальные века нашей истории расселению по огромной территории, «отходу» на промыслы на тысячи километров, систематической связи между далеко отстоящими населенными пунктами и быстрому развитию торговли, ставшей важнейшим фактором хозяйственной жизни. Обширность территории и, как следствие, различие климатических зон, животного и растительного мира, региональных промыслов диктовали необходимость систематического обмена между землями.

В ходе освоения восточными славянами территории по верхнему и среднему течению Днепра и его притокам, очевидно, произошел окончательный переход к земледелию как основной форме жизнеобеспечивающей хозяйственной деятельности. Климат и качество земель данной географической зоны способствовали этому. Труд земледельца прост, но требует двух важнейших условий: внутриполитической и внешнеполитической стабильности, хотя бы 100 дней в году, на время сельскохозяйственных работ. Но если «график» этих работ стабилен, то «график» войн и княжеских междоусобиц мало предсказуем. Скорее всего, сельскохозяйственная страда и «военная страда» совпадали. Осенние хляби и зимние морозы приостанавливали и торговую, и военную деятельность. Соседство с кочевыми народами на юге (хазары, печенеги, половцы, Золотая Орда), непрочность центральной власти, длительные периоды борьбы за киевский престол при смене великого князя лишали хлебопашца возможности для спокойного земледельческого труда.

Стабильность и авторитет власти на ранних этапах формирования Древнерусского государства в определенной степени зависели от нормального функционирования пути «из варяг в греки». Но по мере того, как из Азии «выдавливались» (в силу экологических, политических причин) племена кочевников, прикаспийские и причерноморские степи превращались в зону повышенной социальной активности и напряженности, снижалась безопасность. С XI в. падает значение пути, слабеет влияние киевского князя, усиливаются княжеские усобицы, разрушается «лествица», и все более напористо ведут себя кочевники на юго-восточных границах. Ослабевшая власть не только не могла защитить земледельца, но и сама (поборами, призывом в ополчение и т.д.) дезорганизовывала земледельческий цикл и

обрекала население, по крайней мере, на голод, если не на вымирание.

Вот от этой социальной неустроенности, нестабильности, незащищенности и уходил народ, поскольку главная функция этноса и этнических связей – обеспечение выживания конкретной человеческой популяции. Тем более что направление подсказывала сама природа. Уже в XI – XII вв. идет активный отток населения с южных территорий Руси в северо-восточном направлении. Безопасными были только малонаселенные девственные лесные массивы в верховьях Волги. Густая речная сеть способствовала быстрому расселению по этим территориям. Топонимика рек как бы помечает топонимику будущей Залесской Руси. Напомним, Волга имеет около 200 притоков; самые крупные Кама (притоки Вятка, Белая, Чусовая, Вишера) и Ока (Москва, Клязьма, Угра, Мокша, Орлик).

В этих более сложных природно-климатических условиях русичи оставались земледельцами. Здесь хотелось бы обратить внимание на одну не очень добрую «шутку», которую с русскими сыграла природа. В самой сердцевине будущей Великороссии непонятно каким образом оказался безлесный, равнинный (не холмистый, в отличие от окружающего ландшафта) «кусок чернозема» – знаменитое «владимирское ополье» (примерно 70 км с запада на восток и 40 км с севера на юг). Вокруг него лесные массивы, «тощие» земли, бесконечные холмы. Именно сюда шла волна переселенцев XII в., здесь и взросло Владимиро-Суздальское княжество. На этом «пятачке», совершенно не похожем на все, что было вокруг, и закреплялись навыки именно земледельческого труда, а затем распространялись и в Волго-Окском междуречье, и далее на север и восток. В более суровых природно-климатических условиях земледельческий труд требовал значительных усилий и предопределял большую зависимость от «капризов» природы. Таким образом «диктат» природы не только не уменьшался, но и становился все более «жестким».

Эта мысль стала основной в фундаментальной монографии Л.В. Милова «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» (1998 г.). Он показал, что освоение новых и новых территорий, общинное землевладение, коллективизм и взаимопомощь стали важнейшими условиями выживания народа, «архаическим защитным механизмом» этноса. Это признают и зарубежные исследователи. Р. Пайпс приходит к выводу об объективных причинах, приведших к такому разрастанию территории страны. Он писал, что в силу континентальности климата, годового распределения осадков, краткости периода сельскохозяйственных работ, низкого плодородия почв и быстрого их истощения «выход тогда лежал в распашке новых и новых земель» [7].

Перманентная колонизация связана, как нам представляется, и с психологической особенностью восприятия и освоения человеком пространства. Восточно-Европейская равнина как бы сама «толкала» население к освоению «себя», не ставила непреодолимых естественных, этнических, политических границ и не требовала особых технических и финансовых затрат. Требовала только одного – огромной физической выносливости и способности адаптироваться к новым природным условиям. Политическая опасность с запада и юга неуклонно придавала продвижению русских северо-восточное направление. Примитивное земледелие и постоянная внутренняя колонизация как специфическая форма выживания этноса, беспредельность внутренних, относительно свободных территорий предопределили продвижение до естественных границ: на севере – Ледовитый океан, на востоке – Тихий.

Первая волна привела к усложнению как внешнеполитической, так и внутриполитической ситуации. Во-первых, результатом ее стало превращение восточнославянского этноса в российский суперэтнос. Во-вторых, Русь приобрела единственное в мире уникальное по сложности и протяженности границ геополитическое положение, в результате чего русские постоянно испытывали агрессивное давление как с юга от кочевников, так и со стороны католического Запада. Этот фактор как часть проблемы масштабов России сыграл важнейшую роль в отечественной истории. Отметим, что ядром «набухающего» государства являлись восточные славяне. Именно они выполняли историческую миссию включения огромного земного пространства в историческое пространство. Попутно скажем, что и первая, и вторая причины «работали» на одно следствие – особую роль государства в социальном развитии полиэтнического сообщества.

Освоение новых и новых территорий автоматически вело к включению в состав Руси (России) других малых народов. Уже в первые века десятки этнических групп были включены в состав Древнерусского государства: финно-угорские племена (мордва, зыряне, черемисы, чудь, меря, весь, водь), балтские племена (ят-

вяги, жмудь, литва, эсты), варяжский элемент и т.д. Этот процесс сравнительно редко приводил к вооруженным межэтническим столкновениям. Русичи проникали в районы с относительно небольшим населением, кроме того, им как земледельцам требовалось значительно меньше и качественно иное пространство, чем охотникам или скотоводам-кочевникам. Поэтому они, «растекаясь» по новым территориям, как бы «обтекали» коренные этнические образования.

С XIV в. ядром новой русской государственности становится Московское княжество. Завершение борьбы с Золотой Ордой и необходимость окончательного освобождения привели к присоединению Казанского и Астраханского ханств в середине XVI в. и фактически открыло «шлюзы» для массового продвижения русских за Камень «встречь солнцу». Особенностью этого центробежного движения стало освоение почти безлюдных просторов Заволжья, Зауралья, Сибири, параллельно с сельскохозяйственным освоением этих земель шло строительство сначала крепостей, а затем и городов с преобладающим русским населением. Коренное население оставалось преимущественно вне городских стен, таким образом, взаимодействующие этнические общности как бы не «мешали» друг другу.

Новые территории воспринималась переселенцами, с одной стороны, как неотъемлемая часть страны, а с другой – как продолжение Руси, родины предков. «Сибирь смотрит на Россию как на мать свою, и сибиряк не отделит себя от общей судьбы Отечества» [6]. Освоение Сибири повлияло на мироощущение русского человека, сделало его истинно «космическим», глобальным. «В Сибири 100 верст – не расстояние, 100 рублей – не деньги», «в Сибири 100 верст не крюк, а все наша волость» – так отразились в поговорках представления сибиряков о пространстве [1].

Характерно, что на всем огромном пути землепроходцы после сражения с ханом Кучумом практически не встречали серьезного сопротивления. Конфликты если и возникали на первых порах, как, например, с бурятами и якутами, быстро улаживались. Единственным следствием русского присутствия для аборигенов стал ясак (несколько связок соболей в год), который понимался как «гостинец белому царю». Л.Н. Гумилев в книге «От Руси к России» приводит любопытный пример: некий бурятский лама, пытавшийся поднять восстание, чтобы выгнать всех русских и передать Забайкалье маньчжурам, был отправлен как «ясашный» инородец в Москву и там помилован. Дело в том, что ни один воевода не имел права казнить «ясашных» – при любых преступлениях дело поступало на рассмотрение в столицу. Образ жизни местных жителей мало изменился. Даже православие хотя и проповедовалось, но не насаждалось: шаманы благополучно существуют и сегодня. В этом заметное отличие от колонизации испанцами земель ацтеков и майя или англосаксами Северной Америки.

Таким образом, включение в Московское царство инородцев осуществлялось в «комплиментарном контексте» (Л. Гумилев), когда проживали рядом, не только не мешая друг другу, но и практически не смешиваясь, русский и другие этносы. Конечно, присутствовало и биологическое смешение населения. Однако, как отмечает О.Н. Шелегина, «ассимиляционные процессы в Сибири имели ограниченное распространение и не были характерны для взаимодействия русского этноса с коренными народами края» [14].

Вторая волна колонизации (XVI–XVII вв.) имела еще одну важную причину. Ряд историков еще в начале прошлого века обратили внимание на упадок сельского хозяйства в центральных и северо-западных областях России во второй половине XVI в. Н.А. Рожков в начале XX в. писал в «Исторических и социологических очерках» о запустении сел и деревень, распространении перелога, уменьшении размеров наделов, увеличении цен и других проявлениях хозяйственного кризиса. Исследования последних лет на стыке истории и географии свидетельствуют об экологических причинах кризиса. Глобальное похолодание в середине второго тысячелетия привело к сокращению и без того короткого в Восточной Европе вегетационного периода. Возможности экстенсивного переложно-огневого земледелия были исчерпаны. Общество оказалось перед выбором дальнейшего пути развития: экстенсивного или интенсивного. Первый предполагает освоение новых природных ресурсов, второй – усовершенствование всей системы социальных отношений. Наличие огромных незаселенных пространств на востоке, можно сказать, предопределило выбор.

Специфика географических параметров России обусловила специфику ее геополитики. Западная геополитика делится на два направления – «континентальное» (Ф. Ратцель, К. Хаусхофер, К. Шмитт, Р. Чьеллен) и «морское» (Х.Дж. Маккиндер, А. Мэхэн, Н. Спикмен) [5]. Уникальное геополитическое поло-

жение России привело к формированию особой российской геополитической школы. В силу географических масштабов, континентальности положения, протяженности сухопутных границ, специфики этнокультурного пространства российская геополитическая рефлексия имеет качественно иной генезис.

С точки зрения стратегических задач геополитики важным фактором являлось направление народной колонизации. Она перманентно осуществлялась в направлении к морским рубежам: Балтика – на западе, Черное море – на юге, Тихий океан – на востоке. Немаловажную роль в этом сыграли особенности ландшафта. Колонизация продолжалась до тех пор, пока не была остановлена реальными морскими рубежами. Это привело к возникновению страны уникальных масштабов и с сугубо континентальным геоположением. Более того, она оказалась «на стыке» разных этнокультурных и социально-политических миров, что уже само по себе предопределило масштабы ее геополитических интересов. Х. Регсдейл отмечал, что «Россия исторически страдала от серьезного недостатка уверенности в национальной защищенности. Множество стран мира на протяжении своей истории вкушали преимущества своего естественным образом защищенного географического положения… Серьезные проблемы, вызванные отсутствием естественной стратегической защищенности, отвлекали у нации значительные ресурсы от гражданской экономики на содержание военной машины» [11].

Перед российскими властями извечно стояла проблема выбора союзников и определения внешнеполитических приоритетов. Этот выбор часто определялся не столько внутренними потребностями общества, сколько необходимостью сохранения национальной независимости. Без учета этого момента нельзя объективно оценить тот или иной этап нашей истории, деятельность того или иного исторического лица.

Крайне сложное геополитическое положение России, постоянные войны за независимость в значительной степени предопределили формы политической организации общества. Только жестко централизованная власть ценой огромного напряжения сил народа могла обеспечить охрану столь протяженных границ. Здесь налицо совпадение интересов этноса и государства. Поэтому, очевидно, необходимо исходить из того, что государство представляется не внешним условием существования этноса, оно санкционируется им, поскольку обеспечивает охрану этнической территории. Хотя вопрос о взаимодействии власти и народа в нашей истории – один из самых «больных» и крайне политизированных. Но ведь это не повод закрывать глаза на объективную сторону взаимоотношений двух важнейших субъектов истории.

Все, о чем мы вели речь, касается, прежде всего, русского этноса, поскольку все остальные российские народы оставались в рамках своей экологической ниши. Включение этих территорий и малых этносов во всемирно-исторический процесс, да и в целом образование России, – результат деятельности именно русского этноса. Он освоил эти пространства, создал русское, а затем российское государство и являлся основой социально-политического развития страны. Поэтому на нем особая ответственность за судьбу страны, государства и народов, проживающих в России. Его депопуляция, деморализация, деэтнизация – прямой путь к развалу России.

В целом можно сказать, что освоение природно-географических территорий и превращение их в социокультурные пространства представляются общеисторической миссией человечества, а выполняют эту миссию конкретные народы, исходя из своих конкретных задач. В данном случае русский этнос осуществлял общемировую, объективную тенденцию по включению в сферу человеческой деятельности новых, неосвоенных территорий. Должны констатировать, что никакой другой народ не выполнял подобной миссии. По крайней мере, например, китайский народ не воспользовался этим шансом.

Но главное то, что каждый этнос платил свою цену за общепланетарную миссию освоения земного пространства. Цена, оплаченная русским этносом, – консервирование архаических, природных черт этнического механизма выживания. Цена американцев – позор геноцида коренного населения. Мы считаем, что колонизация русских не могла быть силовой по методам и средствам. Хотя русский этнос, обладая мощной внутренней энергетикой, втягивал в свое этносоциальное пространство и новые территории, и новые малые этносы, но, как показывает Н.И. Цимбаев, это был процесс не этнической, а именно социальной ассимиляции [13].

Можно сказать, что закладывалась своеобразная территориально-этническая «чересполосица», когда проживали рядом, не только не мешая, но и практически не смешиваясь,

русский и другие этносы. При этом заметим, что мирное «сосуществование» и для тех и для других было жизненно необходимым, поскольку первые обладали энергией первопроходцев, «инстинктом освоения новых земель» (В.П. Булдаков), а вторые – знанием правил выживания в экстремальных условиях. Освоение огромных, суровых евразийских пространств требовало и того и другого. В определенном смысле терпимость и комплиментарность, характерные для русских, были условием выживания и, следовательно, выполнения своей исторической миссии. Поэтому Россия никогда не была, да и не могла быть, государством одного этноса. Уже на заре своей государственности она представляла собой полиэтническое сообщество и, развиваясь, продолжала отторгать модель государства национального.

Русский этнос, при всей приблизительности сравнения, по отношению к малым российским этносам выполнил ту же роль, что и европейцы по отношению к коренным народам Америки, – ввел их в историю. Отметим, что западные ученые не любят этого сравнения, поскольку сразу встает вопрос о последствиях «цивилизующей» роли европейцев. Главный их аргумент состоит в том, что нет большой разницы «между русской и западноевропейской или американской колонизацией» [10]. Хотя многие западные ученые оценивают этот факт достаточно жестко. Например, Х. Рэгсдейл эти страницы истории называет «американским холокостом» [11].

Освоение и включение в сферу деятельности новых территорий – это общемировая тенденция. Но побудительные мотивы у Западной Европы и России различны. В Европе причинами колонизации были малоземелье, перенаселенность, социальная, экономическая, техническая «развитость», отсюда способность к демаршам за океан и силовые методы ее осуществления. В России – социальная, культурная, техническая «неразвитость». Поэтому колонизация была условием выживания и сохранения этноса. В целом эти сравнения очень натянуты, поскольку колонизация происходила не просто на различных континентах, в разных природно-климатических и демографических средах – ее осуществляли люди совершенно разной психоментальной природы. Но главное – результаты этих колонизационных процессов. Как отмечает В.П. Булдаков, колонизационный процесс в России и США создал совершенно несхожие социокультурные пространства [10].

В заключение отметим, что пространства России – не «рок», не «несчастье», не «источник опасности» и т.д., а итог исторической миссии, осуществленной русским этносом. Поэтому рассуждения о том, рационально или нерационально существование такого гиганта, «мать» ли нам русская природа или «мачеха», бессмысленны. Безусловно, природно-географическое, этническое, социально-политическое пространство России – особая самодостаточная целостность. Сохранение ее представляет общемировую, общецивилизационную ценность.

Список литературы

1. Андюсев Б.Е. Сибирское краеведение. Красноярск, 1999. С. 132.
2. Ахиезер А. Российские пространства как предмет осмысления// Отечественные записки. 2002. № 6. С. 72–86.
3. Ахиезер А. С. Миграция в российской истории // Полития. 2004. № 4. С. 69–76.
4. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М. : Междунар. отношения, 2010.
5. Василенко И.А. Геополитика современного мира. М.: Изд-во «Юрайт», 2010.
6. Миненко Н.А. В долг без расписки // Родина. 2000. № 5. С. 120.
7. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М. : Захаров, 2004. С. 17, 27, 35.
8. Петрова И.А. Россия в этническом времени. Волгоград, 2000.
9. Кибасова Г.П. Этническое пространство. Волгоград, 2004.
10. Российский старый порядок: опыт исторического синтеза: круглый стол // Отечественная история. 2000. № 6. С. 55–56.
11. Рэгсдейл Х. Ответы на замечания В.Н. Виноградова по поводу книги «Русская трагедия: бремя истории»// Новая и новейшая история. 1999. № 4. С. 187–192.
12. Трейвиш А., Шупер В. Пространство России: богатство или бремя // Знание – сила. 1993. Март. С. 91.
13. Цимбаев Н.И. До горизонта – земля! (К пониманию истории России) // Вопросы философии, 1997. № 1. С. 18–42.
14. Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. Вып. 2. М., 2002. С. 18.

* * *

1. Andjusev B.E. Sibirskoe kraevedenie. Krasnojarsk, 1999. S. 132.
2. Ahiezer A. Rossijskie prostranstva kak predmet osmyslenija// Otechestvennye zapiski. 2002. № 6. S. 72–86.

3. Ahiezer A. S. Migracija v rossijskoj istorii // Politija. 2004. № 4. S. 69–76.

4. Bzhezinskij Z. Velikaja shahmatnaja doska (Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy). M. : Mezhdunar. otnoshenija, 2010.

5. Vasilenko I.A. Geopolitika sovremennogo mira. M.: Izd-vo «Jurajt», 2010.

6. Minenko N.A. V dolg bez raspiski // Rodina. 2000. № 5. S. 120.

7. Pajps R. Rossija pri starom rezhime. M. : Zaharov, 2004. S. 17, 27, 35.

8. Petrova I.A. Rossija v jetnicheskom vremeni. Volgograd, 2000.

9. Kibasova G.P. Jetnicheskoe prostranstvo. Volgograd, 2004.

10. Rossijskij staryj porjadok: opyt istoricheskogo sinteza: кruglyj stol // Otechestvennaja istorija. 2000. № 6. S. 55–56.

11. Rjegsdejl H. Otvety na zamechanija V.N. Vinogradova po povodu knigi «Russkaja tragedija: bremja istorii»// Novaja i novejshaja istorija. 1999. № 4. S. 187–192.

12. Trejvish A., Shuper V. Prostranstvo Rossii: bogatstvo ili bremja // Znanie – sila. 1993. Mart. S. 91.

13. Cimbaev N.I. Do gorizonta – zemlja! (K ponimaniju istorii Rossii)// Voprosy filosofii, 1997. № 1. S. 18–42.

14. Shelegina O.N. Adaptacija russkogo naselenija v uslovijah osvoenija territorii Sibiri. Vyp. 2. M., 2002. S. 18.

Russia: history of spaces

Migrations played a special role in the history of Russian people. They influenced greatly the objective and subjective manifestations of their lives and self-actualization. During its history Russian ethnos increased its settlement territory carrying out the historical mission of "developing of remote areas". In Russian colonization both state and Russian ethnos played the equal role.

Key words: *Russian history, history of Russian people, history of state, colonization, geopolitics.*

(Статья поступила в редакцию 4.02.2015)

Н.Б. КРЫЛОВА
(Волгоград)

ПРОЕКТ АДРИАТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ АДМИРАЛА П.В. ЧИЧАГОВА В 1812 г.

Описывается проект адриатической экспедиции как один из аспектов подготовки России к Отечественной войне 1812 г. и русско-французской борьбы за союзников, в том числе Австрию.

Ключевые слова: *Отечественная война 1812 г., внешняя политика России, русско-австрийские отношения.*

Весной 1812 г. в Европе сложилась предвоенная обстановка, война между Россией и Францией представлялась неизбежной. Обе империи вели не только военно-техническую подготовку, но и активную дипломатическую борьбу за союзников [4, с. 147–148]. Среди возможных союзников французский и российский императоры рассматривали и Австрийскую империю, которая обладала значительным военным потенциалом и граничила с Россией. Несмотря на приложенные усилия, России не удалось склонить Австрию на свою сторону и заключить с ней военно-политический союз. 2 (14) марта 1812 г. был заключен франко-австрийский союзный договор, секретные статьи которого предусматривали участие в войне на стороне Наполеона 30-тысячного австрийского корпуса. Заключение этого союза поставило перед российским правительством задачу обезопасить юго-западную границу и максимально ограничить участие Австрии в войне против России.

В условиях осложнившейся международной обстановки российская сторона с апреля 1812 г. активизировала деятельность своей разведки. Главными ее координаторами были военный министр, командующий 1-й Западной армией генерал М.Б. Барклай де Толли, командующий 2-й Западной армией генерал П.И. Багратион и главнокомандующий Дунайской армией адмирал П.В. Чичагов.

От своих агентов, находившихся в Австрии, русское правительство получило сведения о сосредоточении в Галиции двух (60 тыс. человек) и в Трансильвании – одного (20 тыс. человек) корпусов. Разведчики сообщали и о других военных приготовлениях: перемещениях войск [1, д. 11618, л. 240–

© Крылова Н.Б., 2015